

Окончание. Начало — на стр. 1

ВНЕЛИДОВО мы пробыли недели три. Оборудовали госпиталь, который быстро наполнили ранеными. Фронт от Нелидово был недалеко. Линия железной дороги Ржев — Оленино была в руках немцев. Пулемётные очереди хорошо были слышны в Нелидово. Можно сказать, что фронт против Нелидово был необычайный, у станции Оленино, километрах в двадцати пяти, были немцы. Это в левую сторону. А в правую, немцы были в городе Белом Смоленской области — тоже километров двадцать пять от Нелидово.

Фронт принял форму огромного "кувшина" в разрезе. Вот в дыру этого "кувшина", в деревню Дунаево, и был направлен наш полевой госпиталь.

Шли ожесточённые бои. Хотя госпиталь был рассчитан на приём 250 больных, мы принимали до 1200 человек.

...Весна 1942 года в этих местах была на редкость дружная и теплая, с сильными дождями. Начались голод, тиф и дизентерия. Речка Обша стала бурной, разлилась широко. Теперь всех больных нам перевозили только в лодке. Армия таяла на моих глазах. В батальонах осталось до 1/4 личного состава.

Утро 2 июня 1942 года было необычным. С восходом солнца в воздухе появились немецкие самолёты-одиночки. Они сразу же "повисли" в воздухе, контролируя определённые участки. Один из них взял под наблюдение Дунаево, но они не бомбили (это были самолёты-разведчики).

В 10 часов утра артиллерийская перестрелка началась по всему фронту, фронт глухо стоял и воровал каким-то особым урчанием, которое то ослабевало, то снова усиливало. Это работало стрелковое оружие. Вскоре из санитарного отдела прибыл нарочный с приказанием погрузить всё имущество госпиталя и двинуться к санитарному отделу вперёд, к горювине нашего фронта. Больных мы погрузили не только на машины, но и на крестьянские подводы. Имущество госпиталя оставалось в Дунаево. Я, зав. складом и несколько выздоравливающих бойцов остались охранять имущество. Колонны машин и обозы с больными ушли. Если колонна дойдёт до Нелидово завтра ночью, машины должны вернуться за оставшимся имуществом.

Машины не вернулись...

— Огони! — кричу товарищам и разряжаю обойму по невидимому врагу.

Редко стучат наши выстрелы, мало нас. Мало и патронов.

— Я ранен, — тихо шепнул мой товарищ рядом со мной.

Пополз к нему — разрывная пуля выдернула у него весь мускул правой руки. Перевязал, но кровь идёт не переставая. Пользуясь тем, что мы прекратили огонь, немцы подползли близко к шоссе и стреляли в упор. Сасала нас темнота.

Стреляю снова по близко подкравшимся немцам, и те уползают обратно в окоп. Другой мой товарищ прекратил огонь и хрипит:

"Неужели спит? Можно ли спать в такое время?" И, подбегая, дергаю его за ногу, может за руку, она холодная, он умирает.

"И никто не будет знать, где ты погиб, да и мой конец близок" — думал я. Резкий удар в левую ногу преврал мои мысли, по теплу прошла неприятная дрожь. Я ранен в ногу, смотреть нет возможности. Сапог наполнился клейкой густой жидкостью. Пошевелил ногой — слышется, кость не перебила. Можно ещё встать и пойти. Куда? Прямо под пулю врага.

Огонь врага усилился, нет возможности поднять голову. Свинцовый дождь косит траву и сучья над головой. Снова стреляю — надо дать понять врагу, что мы ещё можем сопротивляться. Выхода нет, скоро всё будет кончено, мысль работает сильно, напряжённо...

И, не помня себя, я встал на ноги. Свист пули, грохот рвущихся мин, ослепительные вспышки выстрелов, как это удивительно, не напугало меня, а очаровало своей страшной музыкой.

"Вперёд!" — кричу я себе. Или прорвусь, или погибну. Нога... Она не имеет права не слушаться. Поднял винтовку, выстрелил два раза и кинулся

Михаил пичугин

Воспоминания участника ВОВ

ОКРУЖЕНИЕ

...Вот уже две недели, как мы в лесу. Наш выход из окружения оказался гораздо сложнее, чем мы предполагали. Хотя у нас была разведка в лице примкнувшей к нам группы бойцов вместе с лейтенантом, но работала она из рук вон плохо. Не могли люди понять новую для них обстановку. Один раз, когда мы подошли к важному рубежу нашего перехода, я предложил командиру произвести разведку днём, узнать, можно ли перейти лежачий поперёк нашего пути широкий тракт. Разведка ходила в указанном направлении и, вернувшись, доложила, что немцев нет.

Тёмной ночью мы подошли к тракту и были встречены шквалом пулемётного, ружейного и миномётного огня. В полном беспорядке все кинулись назад, утром мы не досчитались почти половины людей, конечно, они не могли быть все убиты, просто ночью растерялись по лесу. Пришлось нам дать обход этого места и очень далёкий, там, где мы предполагали, противник меньше стережёт пути к фронту, но и тут нам не повезло. Чем больше мы лугались, тем больше противник имел возможность закурптить дыры к фронту.

...Глухая и тёмная ночь в лесу, идём почти ощупью друг за другом. Время от времени смотрю на светящуюся стрелку компаса. Кажется, идём правильно. Справа речка, она идёт мимо деревни Плутново, мы должны пройти шоссе в 500 метрах от деревни. Перейдём шоссе, и лес кончится, будет поле. Мы должны пройти километра два полем с небольшими перелесками, а дальше — сплошной лес до фронта.

К 12 часам ночи вышли на довольно большую поляну вырубленного леса с одинокими торчащими соснами. Шагаем осторожно по кем-то проложенной тропинке, но всё же, нет-нет, да и хрустят где-то сучок под чьей-либо неосторожной ногой. По обеим сторонам тропинки много остовленных вершин и сучьев. Идём "гуськом", я впереди. Шагнув ещё несколько шагов, остановился, под ногами чётко видна бровка дорожной канавы или "ковета".

— Шоссе, — тихо шепнул я, обернувшись к товарищам.

Вдруг грянул выстрел так близко, что пламя выстрела коснулось лица.

— Назад! В цепь ложись, — громко подал я команду. Все быстро залегли.

Взвилась ракета, другая, ярко освещая поляну. Сильный пулемётный огонь, огонь автоматов и винтовок обрушился на нас. Стреляли спереди из-за дороги, с левой стороны и сзади. Вправо за речкой поле и видны немецкие окопы — оттуда и стреляли. Браг рассчитывал, что мы бросимся именно туда. И в чистом поле нас легко расстреляет засевшая там группа противника.

Мы попали в ловушку. Выход один — прорваться вперёд через шоссе и, пользуясь темнотой ночи, идти. Для этого надо подавить огонь противника впереди нас. Мысль работает в такие минуты лихорадочно и быстро.

вперёд через шоссе. Мина, разорвавшись рядом, отпугнула меня. Огонь, и я полетел куда-то в бездонную пропасть...

ПЛЕН

Я раскрыл глаза. Солнце светило в лицо, передо мной стояла группа немцев, поставили винтовки к ногам и смотрят на меня ничего не говорящими глазами. Офицер стоит сбоку, направив на меня автомат, рука его слегка дрожит. Четыре красноармейца с лопатами в гимнастёрках бес ремней. Грязные, немые. Один, нагнувшись, очистил моё лицо и рот от набившейся земли.

"Что это такое, — думал я, — где я и что со мной?" И вдруг всё вспомнил, и смертельный страх охватил меня. Я не умер, я в плену.

Скупые строки анкет...
Место рождения: деревня Круторогие, Санчурский р-н, Кировская область, РСФСР
Дата рождения: 1893 год
Национальность: Русский
Партизанский отряд: 25-й отдельный отряд (Якушко И.А.) (Школовская военно-оперативная группа)
Должность: Комиссар отряда
Награды: медаль "Партизану Отечественной войны 2-ой степени" (1944 г.), орден Красной Звезды (вручён в 1948 г.)

"Лус, лук вверх!" — негромко сказал офицер. Я вздрогнул, попытался встать, но едва поднял голову. Подошли красноармейцы и поставили меня на ноги. Офицер показал рукой на кусты, и один красноармеец вскоре вернулся с моей пилоткой.

Мы встретились глазами с офицером. Он глядел на меня, не моргая, с чуть заметным любопытством.

— Лус! Зачем стрелял? — полая русский язык, произнёс офицер.

— Я солдат и хотел умереть как солдат! — ответил я, глядя на него.

— Ты старый зольдат, — тыча пальцем, говорил офицер.

— Старый солдат, — промолвил я.

— С Кайзер воевал?

— Я воевал против немцев в 1914-1917 годах.

— Ми старый зольдат, Кайзер воевал, — ткнул он себя пальцем в грудь и махнул рукой пленным красноармейцам, чтобы увели меня.

Пленные вели пленного, немцы шагали сзади. Прискохнул к ране штанина вызвала мучительную боль, голова болела нестерпимо, и я шёл как во сне. Скоро пришли на какую-то заимку с большими сараями и хлевами, битком набитыми пленными красноармейцами. Нас завели в сарай и оставили.

Первое, что необходимо, это осмотреть и перевязать рану. Снял сапог — рана широкая, пуля, пройдя, по-видимому, сквозь дерево, ударила в ногу и застряла в ноге ниже колена. У меня имелся бинт, и я перевязал себе ногу. Подошёл полицейский из русских, пленный солдат. Изменил, только что вступил в свою новую роль предателя, не имел ещё палки и

хлыста. Стыдился своего "ремесла" и немного краснел. Сказал, чтобы пил чай и завтракал, а потом идти на допрос, так офицер приказал.

— Что, думаешь, нас побили, так всё пропало тогда? — сказал я. — Хватит сил в России, разобьют немцев и до тебя доберутся, сволочь несчастная. Наверно, в семилетке учился!

Полицейский испуганно отмахнулся. Покрыснее и ничего не сказал, отошёл. Меня окружили пленные.

— Ты, старик, потише, — проговорил молодойчик белокрылый паренёк. — За эту брань, если он пожалуется офицеру, могут расстрелять и тебя и нас, у немцев рука не дрогнет.

— Да, расстреляют и вас, если вы будете толпиться возле меня. Разойдитесь пока, лучше будет для вас.

Пленные отошли. На кухне мне дали кружку горячей воды и кусок хлеба. Всё же поел и несколько оживился.

"Строиться!" — зычно раздалась команда. Из сараев, хлевов шли пленные солдаты и становились в строй.

"Авось избежало от допроса", — подумал я и встал в строй вместе с другими. Нога... Не могу идти, остану, пусть пристрелят, мне всё равно.

"Шагом марш!" — и колонна двинулась в путь. Солнце начинало горячо припекать, шагали молча, опустив в землю глаза.

— Я вас знаю! — шепчет рядом солдат, сильный, загорелый, татарин по национальности.

— Ну, хорошо, — прошептал я. — Доложи об этом немцам и тебе награлят, а может ещё и в полицию возьмут, и проживёшь припеваючи!

Солдат покраснел и обидливо прошептал:

— Бросьте, товарищ комиссар. Как вам не стыдно обижать меня, никогда я не буду предателем, пусть на куски режут. Вам трудно шагать? Опирайтесь на моё плечо.

— Прости, — тихо промолвил я. — Знаешь, нервы не в порядке.

— Ничего, — примирительно прошептал мой спутник. — Так я советским человеком и останусь навсегда.

В следующей деревне, километрах в шести, нас ожидала огромная толпа пленных. Длинной в три километра ползла наша колонна по родной Калининской земле, ни звука, ни крика, гробовая тишина. По сторонам метрах в 25-ти редкой цепью шагали немецкий конвой.

В романе "Радуга" Ванда Василевская описывает шествие русских пленных. Я не хочу обвинять её в несправедливости, но наша колонна в то время представляла иное и вот почему! Люди только что попали в плен: одни — истощённые скитаниями по лесам, покинутые командирами, безразличные уже ко всему, подняли руки и сдались врагу, другие — расстреляв все патроны, не смогли избежать участи пленения, окружённые врагами.

Порохом недавних боёв ещё пахло над колонной, физически мы были ещё крепки. Шли злобно, всё и вся ненавидящие, проклинающие. С презрением к самим себе, безучастные ко всему и к своей жизни. Видел, чувствовал это и немецкий конвой, боялись подходить близко, не пристреливали отстающих. Слабым и отстающим колонна несла с собой.

Когда голод изводит мозг и сердце, измена и предательство как червь разъедают боевое товарищество. Палка и кнут, застеноч гестапо, голод и холод, каторжная работа, бессонные ночи, ежедневные расстрелы и издевательства могут сотворить из людей безумных, безвольных, бесцельных существ, потерявших человеческое достоинство и облик.

А пока это шли люди! Шагаем по большой, длинной деревне. Немцы празднуют победу.

...Колонна пленных вплотную в середине деревни, у красивого домика с резными наличниками окон, с резными крылечками на улицу стояла кучка немецких офицеров с огромными орлами на фуражках — сытые, самодовольные.

Толстая, наряженная, накрашенная женщина с подведёнными бровями, немецкого обхождения, подперев бедро пухлыми белыми руками, нахально уставив на нас глаза, звонко и злобно заговорила: "Что, попались голубчики? Коммунисты окаянные, довелись! Попили нашей крови при советской власти. Вот теперь и сдыхайте, как собаки, а мы теперь заживём при немцах. Погуляем!" — и она крутилась, пригласывая.

Как страшный удар бича хлестнуло каждого в самое его больное место, как уголь, почернели глаза и лицо многотолпой толпы, и тысячи голосов рявкнули как смертельно раненый зверь: "Сволочь! Гадина! Немецкая подстилка! Продажная тварь!"

Сжав кулаки, толпа подалась к крыльцу дома. Офицеры и эта накрашенная женщина в ужасе кинулись в избу. Все, кто был на улице, кинулись прочь, кто куда. Грянул залп, другой. Живые стояли и не давали падать мёртвым. Спешно из сарая бежали с пулемётами жандармы. Свинцовый ветер зашевелил волосы колонны, но бить по колонне немцы боялись, 10 тысяч не расстреляют сразу. Через минуту колонна шагала дальше, оставив убитых на дороге.

— Ешь и пей их кровью! — кричали пленные, грозя кулаками. — Презренная, продажная гадина, оскорбившая нас, а нашу мать — Родину!

Вечером подошли к станции Оленино, где был большой временный лагерь для пленных. Меня, как раненого, направили в "госпиталь". Это был огромный навес, где раньше помещалось сено. Были сделаны нары из тонких жердей в три ряда, друг над другом. Перекалялись каждого ряда были привязаны тонкой проволокой к стойкам. Ложиться на такие нары очень опасно, и я лёг на землю возле стойки. Огромная новая шинель, захваченная мной в лесу во время скитаний, спасала от холода.

Ночью верхние нары не выдержали тяжести и рухнули вниз. Второй ярус нар также обломился, и всё смешалось. Вопли, стоны и крики раненых раздавались до рассвета. Когда рассвело, лежала груда мёртвых тел на месте катастрофы... Таков был "госпиталь".

Нога моя болела, рана загноилась, начиналось воспаление. Я понимал, что надо извлечь пулю из ноги, иначе погибну от заражения крови. Напоровился в "амбулаторию сарай", где было около десятка пленных — русских врачей. Войдя к ним, я многих признал, вместе были на армейских совещаниях, но меня ни один не признал — так я изменился за это время.

— Товарищи! — обратился я к врачам. — Выньте пулю из ноги.

Осмотрели рану. Старый врач говорит, обращаясь к остальным:

— Попрактикуйте кто-нибудь над ним, есть бритва и ножницы, разрежьте рану и ножницами извлеки-те пулю.

— Как же наркоз? — ответил один молодой врач.

— Пустяки, — промолвил я, — режь, как тебе надо, вынимай хоть пальцами.

И лёг к низу лицом, стиснув зубы. Хирург резал бритвой, ковырял ножницами в ране и всё же извлек пулю. Промыл и перевязал рану.

— Молодец, теперь всё пойдёт хорошо, мне казалось, что я резал не живого, а мёртвого человека, — сказал он.

СВОБОДА

В плену я пробыл всего сорок пять дней, и писать об этом пребывании почти нечего. Голодовка, палка и плетъ, масса умирающих ежедневно — обычное дело для пленных во всех фашистских лагерях.

Вместе со многими я попал в город Оршу. Станция Червено. Там было два небольших лагеря недалеко друг от друга. Мы заняли пустовавшие бараки, и было просторно. Кругом лагерь был обнесён забором из колючей проволоки высотой в два метра, далее через пять метров — такая же, а между этими двумя рядами обычные проволочные заграждения. По углам лагеря — вышки, на каждой сидят по два немца с пулемётом. По земле от угла до половины лагеря снаружи ходят патрули. Внутри лагеря патрули ходят только по ночам между бараками. Такова была охрана лагеря.

Состав пленных здесь был уже иной, многие находились в плену более года, исхудалые, обесцеленные, обворованные, свихнувшиеся со своим рабским положением и не мечтавшие о победе.

С нашим прибытием положение несколько изменилось.

Нога моя стала заживать, и я решил готовиться к побегу. Необходимо подобрать товарища, узнать местность, где леса, в каком направлении, есть ли партизаны. А где узнать?

Однажды я лежал и грелся на солнце недалеко от проволочного заграждения, в это время старик белорус, пасший немецких коров, подогнал их близко к проволочному заграждению. Немцев рядом не было, и я решил спросить старика кое о чём:

— Дедушка! — негромко молвил я. — Как вы живёте? Обижают немцы?

— Немцы брать того и прибыли к нам, чтобы обижать, всё брать и ничего нам не давать, — угрюмо ответил старик.

— Дедушка, а далеко отсюда леса?

— Лес? Вон видишь, всего километр отсюда, и так он и пойдёт всё на юг, вплоть до брянских лесов.

— А партизаны есть, дедушка, в лесах?

— Есть, куда они девались.

С вышки крикнул кто-то немец, и старик погнал своё стадо прочь от лагеря. Вот всё, что мне удалось узнать.

Теперь дело стало за подбором товарища к побегу. Это тоже было нелепо — среди пленных попадалось немало шпионов и предателей. В разгаре — летнее наступление немцев на Сталинград, что немцы усиленно и прикуршленно старались передать пленным. Многие пленные показались мне людьми замученными, безвольными, с тупой покорностью к своему рабскому положению.

Лёжа внизу на нарах в тёмную ночь, я слушаю, как, вздыхая, кто-нибудь заговорит:

— Погибнем все как мухи! Сами немцы говорят, что нам жизни только до зимы, а там все подохнем!

— Бежать надо, — пробую я вставить своё замечание.

— Эх, куда мы побежим, всё равно поймают и расстреляют.

Были и подозрительные типы, помню одного, фамилия его Михайлов, родом, как он говорит, из Москвы — выдавал себя за писателя и поэта. Небольшого роста, корявое лицо, глаза "мороженные", тусклые. В плену с сентября 1941 года, то есть уже "перезимовавший". Меня он звал "сибиряк" дядя Саша, так было моё имя в плену.

— Знаешь, дядя Саша, я ведь и здесь пробовал писать стихи.

— Что же, о чём ты писал?

— Написал я хвалебную оду Гитлеру: "тебя родил двадцатый век" и так далее и тому подобно. Думал, немцы учтут и паёк прибавят.

— Ну и как, прибавили?

— Отсидел в гестапо пять недель, сочи, что я что-то оскорбительно написал, потом разобрались, отпустили, ещё дали четыре килограмма колбасы, две булки хлеба за то, что безвинно сидел.

"Экий слизяк и сволочь, — подумал я. — Ведь жил же в Советском Союзе и никак нельзя было увидеть, что человек такая гадина".

Впоследствии, будучи партизаном, мне пришлось читать немецкую газету, издававшуюся для белорусского населения. В газете был помещён пасквиль по поводу введения ношения погон в Красной Армии. Статья была за подписью "Михайлов".

"Всё же выслупались, сволочь, — подумал я. — Эх, попался бы ты ко мне теперь, прописал я бы тебе "оду".

Однажды в группе пленных развернулись оживлённые прения по поводу событий на фронте. Одни доказывали неизбежное поражение Советского Союза в войне. Один высокого роста пленный доказывал, что немцы всё равно победят, "уж мы тогда расправимся с коммунистами", смаковал он, "за всё, за всех им отплатим". "Я до революции имел 70 лошадей, жил в Симбирской губернии. Все пришлось бросить и самому бежать в Сибирь, иначе расклучили бы и сослали меня, честного труженика. Теперь мы снова заживём, Бог даст, а уж куманьков их со всей породой вырежем". Лицо его было жадно и свирепо.

— Дурак ты, сволочь и предатель! — раздался твёрдый голос.

Я посмотрел — это говорил пожилой пленный: лет сорок, плотного сложения, широкий нос; с глубокими серыми глазами и тонкой, как у молодого, тайей. — Ты что лаешься! Ты сам, наверное, коммунист. Вот я скажу немцам, заневошь тогда.

— Дурак ты потому, — говорил незнакомец, — что поверил немцам. Да разве можно победить Россию! Когда это бывало в истории! А сволочь ты потому, что при советской власти ты замаскировался и скрывался где-то, и вредил нам без сомнения, а теперь ты стал и предателем. Ждётся ты чего-то хорошего от немцев, да ты сам подходишь здесь от голода, а придёт Красная Армия, мы тебя сами повесим!

Ещё несколько негодующих голосов раздалось в адрес предателя и он, смутившись, побрёл в свой барак.

С незнакомцем, так бесстрашно выступившим против изменника, я решил познакомиться и стал искать встречи с ним. Случайского представился.

Как-то, бродя по лагерю, я увидел моего незнакомца, он сидел на сваленном дереве и рубил топором сучья для печки. Я подошёл и сел с ним рядом. У меня ещё был табак — выменял на часы. Табак считался у нас как самая невероятная драгоценность, завернул цигарку и предложил ему закурить. Затянувшись табачным дымом, мы начали разговор.

Звали его Козлов Михаил Петрович, Курганской области Большеозёрского района. До войны работал старшим бухгалтером на маслозаводе. В нашей 3-й УА он был старшим телефонистом при штабе. Участвовал в зимнем наступлении, попал в окружение. Мы оказались "земляками-уральцами", и это нас сблизило.

— Если бы нашёлся товарищ, то я бы убежал из лагеря, — говорил Козлов, — всё равно здесь погибнем ни за что.

— Я тоже ищу товарища, — промолвил я.

— Мы быстро сговорились.

— Теперь, — говорю я, — давай готовиться к побегу.

— Что ж мне говорить? У меня всё готово.

— А обувь есть?

— Ничего нет, я босой.

— Ну, вот видишь, и я босой. Значит, нам с тобой надо достать мешок и из него сшить обувь. Ведь нам придётся бежать ночью лесами, болотами, и босые ноги быстро испортит. Во-вторых, надо иметь какие-либо ножи, спички. И, в-третьих, надо дожидаться наиболее тёмную ночь. Хорошо бы сильный дождь — тогда немские часовые будут стоять где-либо под навесом, не будут ходить возле проволоки. "Куда же ты думаешь бежать?" — спросил я Козлова.

— А я прямо не знаю, бежать только бы куда-нибудь, мне всё равно.

— Э, брат, так нельзя, надо заранее иметь план и направление. Я думаю так, если мы где-либо встретим партизан, то будем проситься, чтобы нас приняли, и мы останемся с ними. Если же никаких партизан здесь нет, то пойдём к фронту левее Витебска в район Великих Лук — там места лесные, и мы с тобой попытаемся перейти фронт. Согласен?

— Я на всё согласен, лишь бы вырваться из рук этих гадов.

Вскоре мы добыли мешок за две пайки хлеба и сшили себе обувь, достали спичек и ножи, и стали ждать тёмной ночи.

Был не решён вопрос, как перебраться через проволочное заграждение. Я предложил подыскать доску и положить её сразу на четвёртый ряд высокого заграждения, а потом по ней перескочить за первый ряд проволоки, перетащить доску, положить её на короткие колья и перейти ко второму ряду проволочного забора. Козлов предлагал просто пролезть низом через проволочное заграждение.

Так по-настоящему и не решились.

Ночь на 8 сентября была выбрана нами для побега. С вечера пошёл сильный дождь, сверкала молния, гремел гром, стало так темно, что буквально не было видно ничего перед собой. В бараке все уже уснули, было одиннадцать часов ночи. Я сидел в полной темноте внизу на нарах, поджидая Козлова. Всё у меня уже было готово. Неслышно в двери вошёл Козлов, нащупал меня в темноте и положил руку на моё плечо. Мы вышли из барака, дождь по-прежнему лил, как из ведра, темень была ужасная. Подошли к проволочному заграждению...

Слышно, как усиленно бьётся сердце в груди. Сейчас — или смерть, или свобода...

Я поднял нижнюю проволоку, и мой товарищ полез в образовавшуюся дыру. Всё тихо, патруль, по-видимому, где-то укрылся от дождя и стоит. Козлов загалупил в проволоке между высокими рядами, шинель трещит, слышу озлобленную ругань, снова треск шинели, звон проволоки.

"Эх, услышат немцы", — думаю я. Вдруг всё стало тихо, пошевелил. Где Козлов? Пропал ли он? Ничего не видно и не слышно.

Теперь моя очередь, и я оттянул нижний ряд проволоки, готовясь пролезть по следам моего предшественника.

Вдруг громкие немецкие голоса раздалось в углу проволочного заграждения нашего лагеря. Яркий свет двух карманных фонарей направлен в сторону меня — немецкий патруль идёт прямо на меня, но он ещё пока не ближе 200 метров. Положение становится критическим. Пролезть обычным путём теперь я уже не успею!

И я решился на отчаянный шаг. Сразу закинул ногу на четвёртый ряд проволоки, подпрыгнул, ухватился рукой за вершину столба и в одно мгновение перекинулся через проволочный забор первого ряда. Встал ногами на короткие колья, два, три шага по коротким колям, проваливаясь между ними, вскакиваю, шинель, штаны летят в кюльях, из разорванных курьются кровью...

Добрался до второго ряда проволочного забора, также поднял ногу на четвёртый ряд, ухватился за вершину столбика, и как ветром перекинул меня на другую сторону. В ладонь и пальцы правой руки вплились глубоко колючки проволоки..., и я, чуть не достав ногами земли, всей тяжестью повис рукой на проволоке.

Дергаю руку, слышу, как хрустит рвущееся мясо на руке и пальцах, но боли почти не чувствую, всё тепло горит в каком-то внутреннем огне. Скорее! Наконец, оторвался и кинулся прочь от заграждения в тёмное поле!

Всё это показалось мне вечностью, а на самом деле я потратил всего несколько секунд.

Метрах в тридцати от заграждения из ямки поднялся Козлов, обрадовано зашептал: "Как я напугался, когда патруль пошёл на тебя, думал, останешься ты там, куда я пойду один. Молодец, очень ты быстро перех